

Самый короткий месяц года казался мучительно долгим, к тому же выдался туманным и дождливым. Солнце совсем не появлялось на небе. Одинокие вечнозеленые деревья и кустарники выглядели серыми, понурыми, безжизненными. Мир казался черно-белым, словно графический рисунок.

Она стояла у окна и с тоской смотрела в заплаканное оконное стекло, думая о том, что дома ее ждали сын, муж, мама и отец. Телефон не умолкал от многочисленных звонков друзей и знакомых. Но ей было невыносимо одиноко... в городе не было Его.

Когда они виделись последний раз? Он зашел к ней на работу первого февраля. Стояли у окна в холле второго этажа. Она то и дело сжималась от любопытных взглядов сослуживцев, так и сновавших вверх-вниз по лестнице. Разговор не получался – Он спешил в музыкальную школу, чтоб забрать ребенка. Как же много хотелось сказать ему! Но успела только тихо спросить: «Уезжаешь уже завтра?». В ответ услышала лишь негромкое: «Нет». Она обрадовалась. Ей так хотелось, чтобы перед его отъездом в санаторий они посидели в тихом кафе на окраине города, «в их кафе»... Она обязательно попросит его, чтоб в отпуске тот вел ежедневные записи, как провел день, о чем думал, что чувствовал. Ей так хотелось все знать о нем, быть рядом, смотреть на мир его глазами, жить его жизнью... Когда Он ушел, – Она долго смотрела сквозь мокрое окно на удаляющуюся, по-военному подтянутую, стройную фигуру, но Он так и не оглянулся. Через день после

той встречи, поздно вечером раздался междугородный звонок. Она молниеносно бросилась к телефону – и услышала его взволнованный голос. Он говорил о том, что отъезд был неожиданно срочным, а ему так хотелось посидеть с ней перед отъездом «в их кафе», где уединились впервые: «Помнишь?» – спросил Он. Конечно, как Она могла не помнить?! И сказал еще, что теперь находится в городе N, в трёх часах езды на автобусе от их города.

Дома вся семья была в сборе. Она с тревогой заметила, что кажется, все прислушивались к её разговору, к ее скупым «да» и «нет». Ах, как хотелось бы ей говорить с ним по-другому! Но приходилось контролировать каждое слово, чтобы сказанное не содержало какой-либо информации... Как это невыносимо, как мучительно!

«Если будет желание и возможность, приезжай, покажу тебе город» – услышала она. И ответила: «Желание есть, а вот с возможностью сложнее...». Бесшумно положила трубку и неторопливо пошла на кухню допивать свой любимый зеленый чай.

«Кто звонил?» – спросил муж. Обычно он никогда не интересовался, с кем она говорила, и это удивило ее. «Так, подруга, по работе», – не поднимая глаз, странным голосом проговорила Она. Муж пристально взглянул на нее, но вопросов больше не задавал.

Ей хотелось остаться наедине со своими мыслями. Быстро проглотив чай и сославшись на усталость, она «пошла прилечь». Мама тотчас подошла и тихо спросила: «Это был Он?» – «Нет» – зачем-то сказала она. «Ты говоришь неправду. Я-то знаю»... «Вот и ладно, – пробурчала в ответ, отворачиваясь от матери лицом к стенке. – Зачем лезть в душу?»

Не спалось. Сердце наполнялось то тревогой, то радостью: «Хорошо бы съездить к нему – ведь шестого его день рождения... Надо что-то придумать!»

Утром на стол директора она положила заявление: «Прошу предоставить отпуск на шестое февраля...». Получив разрешение, тут же отправилась на вокзал за билетом в город N. Туда на первый рейс, обратно – на последний.

Вечером, когда Он позвонил, вместо приветствия, поспешно заговорила: «Буду у вас шестого». Он понял ее конспирацию, лишь уточнил: «Каким рейсом?». «Семь утра». Из прихожей донесся звонок – должно быть, муж пришёл с работы. «Я тебя встречу» – продолжала говорить трубка. «Да, конечно. До встречи», – закончила Она разговор и помчалась открывать дверь, заметила: мама не сводила с нее проницательных глаз.

Снова не спалось. Представлялся город N, в котором Она не была лет пятнадцать. Представляла, как они встретятся... Вот Она выходит из автобуса... Вот Он устремляется к ней, улыбаясь, радостно обнимает ее, нежно целует. Первым делом они отправятся в церковь, что рядом с набережной. Так ей хотелось и, уверена, ему – тоже. Всю ночь мыс-

ленно Она, счастливая, бродила с ним по улицам и скверам города. Наконец, они вместе – и никто не помеха!

Чудеснее дня, чем пятое февраля – канун их встречи, давно не было. Даже дождь за окном приобрел теплые и радостные оттенки. Казалось, и черно-белый графический рисунок города посветлел. Легко решались все текущие рабочие дела. «Ты сегодня светишься!», «Что так сияешь?» – то и дело слышала Она от сослуживцев. Завтра! Завтра сбудутся ее мечты! Как ей хочется, чтоб скорее наступил этот день. Впереди ночь, всего одна. Пусть бессонная, но восхитительная своим ожиданием...

С работы домой возвращалась как на крыльях.

Открыв дверь квартиры, услышала телефонный звонок и, словно током ударило: это Он! «Это я», – сказала трубка. Ответила: «Да-да, знаю». «Я о завтрашнем...». Тотчас возникло странное предчувствие, Она нетерпеливо перебила: «Я слушаю...» – сердце оборвалось. Дальше Он мог и не говорить – Она все поняла... И Он сказал: «Сюда, в N, на день рождения приезжает жена». Она замолчала, ведь была уверена: его жена не собиралась приезжать. «Ты понимаешь?» – спросил Он. «Понимаю...», – в отчаянии Она прислонилась к стене. Уловила на себе осуждающий, тревожный взгляд матери. «Ну что ж... Все в порядке», – тихо проговорила Она скорее себе, чем ему. А потом закончила разговор, повернувшись в сторону матери: «Ничего страшного». «Ничего страшного? – растерянно переспросила трубка. – Я перезвоню тебе в понедельник», – добавил Он.

Утром Она отправилась на вокзал, сдала билеты. Немного задержалась у автобуса, отправляющегося в город N. Проводила его взглядом, когда тот тронулся. «А счастье было так возможно!..» – иронично и горестно улыбнулась. Между тем, усиливался ливень – и стал как водопад. На работу идти вовсе не хотелось. Домой – тоже. Она бесцельно побрела по городу, все еще грезя о встрече, удерживая в душе недавние предвкушения.

Весь день, точно сомнамбула, под проливным дождем бродила она, не отдавая себе отчета в том, что идет именно по тем самым улицам, скверам, площадям, по которым когда-то гуляли они вместе с ним. Все: и пальто, и берет промокли, в сапожках хлюпала вода. Лицо было мокрым и от слез тоже.

Как же долго они шли друг к другу! Первая встреча ошеломила обоих. Он не сводил с нее глаз. Рядом всегда были многочисленные друзья и знакомые: так уж сложилось, что все их встречи всегда происходили на людях: на концерте, на работе, в театре. Она знала, что нравится ему, но и мысли не допускала, что когда-нибудь он решится сделать шаг в сторону их сближения – и понятно почему: у каждого семья, дети. И только через много лет после первой встречи Он все же решился! Пригласил ее в кафе, то самое, позвонив ей на работу, предложил вдруг вместе пообедать. И, растерявшись, Она согласилась.

Причем в центре города, где столько общих знакомых! Так и появилось в их жизни кафе на окраине города, «их кафе». Она помнит и их первый поцелуй. Кажется, что в тот миг душа покинула ее тело. Второй поцелуй пришлось ждать полгода – так редки были их встречи без свидетелей. Это случилось все в том же кафе, где они «обмывали» очередную звездочку на его погонах. Помогая ей снять пальто, расстегивая пуговицы, Он произнес: «Ты всегда в мыслях моих...».

Теперь, когда она брела по лужам, эти слова, точно эхо, под шум дождя слетали с ее уст: «Ты всегда в мыслях моих... Ты всегда в мыслях...». Вот и все, что между ними было. Вот и все. Как-то однажды от одного из общих знакомых Она узнала, что Он – глубоко верующий человек. Тогда лишь ей стало понятным, почему столь редки их встречи наедине. Вспомнила еще, что один раз Он вскользь проговорил ей о своем желании уйти в монастырь и со временем признался, что после каждой их встречи бежит в церковь и отчаянно кается. Это причинило ей мучительные страдания. Хотелось спросить: «Почему люди каются?» Но сама отвечала: «Потому, что считают это грехом». Но разве их чувства лживые, грязные, неискренние? Разве их отношения, их редкие встречи – грех?

О том, что пора прекратить бессмысленно шататься по городу, Она вспомнила только тогда, когда заметила, что зажглись уличные фонари.

Ночью ее бросало то в жар, то в холод. Воспаленный мозг постоянно вел диалоги. Диалоги с ним. Утро седьмого февраля принесло недомогание и озноб. Изматывающая тоска давила грудь. Чтобы как-то отвлечься, вечером отправилась с сыном в театр на спектакль. В партере было холодно, озноб не прекращался. Сознание постоянно куда-то проваливалось, Она перестала понимать происходящее на сцене, вновь и вновь уносясь мысленно к нему – в город N. Выходные провела в постели, температурила, отказывалась от еды. Родные настаивали, что бы Она оформила больничный. Но разве могла Она позволить себе это? Ведь Он же сказал, что позвонит в понедельник!

Он позвонил сразу, как только она вышла на работу. «Понимаешь, жена тогда не приехала, – Она лишь промолчала в ответ, сердце стонало, хотелось сказать, что догадывалась об этом. – Но на эти выходные все-таки приедет», – продолжал Он. Она снова промолчала, потом спохватилась, спросила: «Как вам отдыхается?». «Отдыхать всегда хорошо, меня сводит с ума можжевелевый воздух». «Какая у вас погода?». Она старалась говорить ровно, спокойно и уверенно: в кабинете были посторонние. «Ты не сможешь приехать среди недели?» – спросил Он. «Нет». «Тогда, может, я смогу среди недели вырваться на сутки домой. Позвоню тебе».

Как потом Она ругала себя за холодный, казенный тон! Она задышалась без него. Ей не хватало его, словно глотка воздуха. И ради того, чтобы поймать его звонок, Она продолжала ходить на работу с

температурой. Вдруг придет? Вдруг позвонит? Вдруг зайдет? Он не позвонил и не зашел.

Прошло полмесяца. На очередной выходной Она была приглашена на обряд венчания. В собор вошла следом за молодыми. Было торжественно и трогательно. Она смотрела на молодых, а по щекам текли слезы; глядя на происходящее, в какое-то мгновение вдруг представила, что венчаются Он и Она, а не какая-то молодая пара. Сердце пронзила боль. Увы... Это было всего лишь сладкое видение. Но когда б Она и пошла под венец – то только с ним! Впервые в жизни ей так хотелось этого! Стало горько от того, что собственная жизнь не сложилась, что судьба подарила встречу с ним слишком поздно. А воспаленное чувствами воображение продолжало рисовать несбыточные картины: как бы Она ждала его с работы! Нет, не одна, а с их сыном! Пелена слез застилала глаза...

Голоса церковного хора, долетевшие до сознания, вернули к реальности. Она подумала, что впереди неделя: возможно, та самая счастливая неделя, когда её ожидания сбудутся: и Он придет, позвонит... Каждый день Она просыпалась с этой мыслью. Он не звонил – тревога и сомнения поселились в душе. Что-то случилось! Боже, какая мучительная неделя! Какой длинный, холодный, серый февраль!

На службе двадцать третьего февраля их женский коллектив поздравлял мужчин с солдатским праздником. Она держалась легко и непринужденно. Говорила красивые тосты, читала стихи, даже пела вместе со всеми. Но душевная боль не унималась, а чувства и переживания стали еще острее. Хотелось плакать. И всю следующую неделю Она не переставала ждать его. Ждала каждый день, каждый час, каждую минуту... Хоть бы кто-то из общих знакомых принес о нем какую-либо весточку для нее! Самыми мучительными были тревожные ночи. По всем подсчетам, Он уже давно должен быть дома. Что же случилось? Что случилось?..

Женский день 8 марта выдался на редкость теплым и солнечным. Она шла и улыбалась. На душе было светло и тихо, как в соборе. Измучивший дождями и серостью февраль остался позади. Она наблюдала праздничную суету городских улиц, вглядывалась в счастливые женские лица. В воздухе носился весенний запах молодых листиков и цветов.

Вдруг показалось, в толпе мелькнул знакомый силуэт. Земля качнулась под ее ногами. В одно мгновение все изменилось. Так бывает в фильмах с замедленной съемкой: как-то неестественно долго парит над головами прохожих чайка, а прохожие двигаются словно сомнамбулы, да и сама Она шла точно по вязкой глине. Шаг... Пауза... Еще шаг... Пауза... Медленнее... Еще медленнее... Остановилась, увидев почти рядом его синие, отрешенные глаза. Щеки запылали, прижала к ним ладони, потом легким движением коснулась виска, вдруг резко развернулась и быстро зашагала в другую сторону. В это время над площадью зазвенела песня:

Вот и все, что было.
Вот и все, что было.
Ты как хочешь это назови.
Для кого-то просто – летная погода,
А ведь это проводы любви...

С тех пор прошли годы. Однажды оказавшись на экскурсии в одном из действующих монастырей, Она случайно встретила его, ...монаха! Этот монах, словно извиняясь, скороговоркой проговорил ей: «Если бы ты знала, как мучительно долго я тогда болел мыслью о твоём приезде!..» И Она поняла: любить, быть любимой и ни разу не испытать радость близости с любимым – так же безнравственно, как и отдаваться без любви...

«Идут дожди. Холодные осенние туманы клубятся в небе и опускают на землю мокрые косы. Плывет в серую неизвестность тоска, плывет безнадежность, и тихо всхлипывает грусть. Плачут голые деревья, плачут соломенные кровли, умывается слезами нищая земля... Серые дни сменяются ночами. Где небо? Где солнце? Мириады мелких капель как утраченные надежды, вознесшиеся слишком высоко, падают и текут грязными потоками, смешанными с землей. Нет простора, нет успокоения. Черные думы, горе сердца носятся тут над головой, висят тучами, катятся туманом, и слышишь рядом тихое рыдание, будто над покойником...»*.

Она стояла у окна и тихо лепетала выученный когда-то наизусть понравившийся отрывок из классики. А на оконное стекло падали тяжелые свинцово-серые капли дождя.

Севастополь

